

Людмила Лунина

Отмечать юбилей смерти не более предосудительно, чем праздновать день появления на свет младенца, который неизвестно еще что совершит, а пока лишь приносит неудобства — пишется в пеленки и плачет по ночам. Почему годовщины именно

этих хлопот заносят в календарь? Смерть — событие куда более значительное. Шок, резонанс, «гениальный» и «выдающийся» в некрологах — к месту и совсем искренне.

В данном случае нас оправдывает еще и тот факт, что Николай Николаевич Ге достиг вершин профессиональной карьеры в последний год жизни. Впечатление,

произведенное в 1894-м его «Распятием», было огромно. О нем оставила воспоминания даже Надежда Константиновна Крупская.

Фигура Ге в русском искусстве особняком. С одной стороны, он безусловно в первых рядах — благодаря нескольким картинам, написанным вовремя: «Тайная вечеря» (на которой Иуда предает Христа не из-за денег, а из идейных соображений и потому достоин понимания, а не осуждения) появилась в аккурат когда Крамской и К° из идейных же соображений отказались писать академический диплом. «Петр I и царевич Алексей» были гвоздем первой выставки передвижников. И устав Товарищества Ге подписал как один из учредителей.

В то же время нет в русском искусстве большего неудачника, чем Николай Ге. Его постоянные промахи не сравнить даже с судьбой Александра Иванова, промывшегося 20 лет с одной картиной, но все-таки написавшего, как бы мимоходом, дивные, почти импрессионистические этюды. У Ге если не получалось, то во всем — от эскиза до финального холста, до которого редко доходило. «Вестники Воскресения», «В Гефсиманском саду», «Екатерина II у гроба Елизаветы», «Милосердие» — список велик, а причины неудач загадочны.

После золотой академической медали — 13 лет пенсионерства в Италии. Отчетная картина — наказание судьбы. Ге решает бросить живопись. В результате — неожиданный громкий успех «Тайной вечери». И — почти десять лет невезения. Он надеялся

на Всемирную выставку в Париже — его работы остались незамеченными. Кризис побуждает Ге вернуться в Россию. В 1871 году демократическая общечеловеческая рукоплещет его исторической картине — затем два десятилетия о Ге вспоминают с разочарованием и сожалением. Не в состоянии заработать на жизнь ремеслом, он на 20 лет бросает живопись и становится фермером: разводит бычков, торгует хлебом. В 1882 году ему попала газетная статья Толстого: «Наша нелюбовь к низшим — причина их плохого состояния», — и Ге вмиг делается толстовцем, почти сектантом: проповедует, странствует, очень неумело кладет крестьянам печки. Неизвестно почему, в конце жизни он напишет лучшие свои картины, в которых невольно «предчувствует экспрессию и н и з м» (Д. В. Сарабьянов). В последнем своем евангельском цикле Ге, как говорится, с большой жизненной силой, с тщательностью фотографа судебно-экспертизы запечатлевает судороги умирающего человека. Его талант убедителен как никогда.

Принято считать, что катализатором позднего расцвета явился Лев Толстой. Это правда лишь отчасти. Толстой действительно вызвал к его талантам, но Ге

предпочитал живописи задушевные беседы с молодежью и эпистолярный жанр. Печальным событием, которое действительно многое изменило, стала смерть жены Анны Петровны. «Смерть эта произвела на него громадное, но умиротворяющее впечатление. В Н. Н. было какое-то просветление...» (Е. И. Ге).

Ге женился в 1856 году на сестре своего приятеля. Женился не совсем обычным образом — по переписке. Вначале ему понравились письма Анны Петровны Забелло, он заочно к ней посватался. Жена становится первым для него авторитетом. Она единственная имела право войти в мастерскую во время работы, ее советы он исполнял беспрекословно.

Потребность иметь перед собой учителя и во всем ему доверять выработалась в детстве. Потеряв мать во младенчестве, Ге был воспитан няней и бабушкой. Решительность и активность, как, впрочем, и иные

признаки мужественности, как, впрочем, и сексуальные предпочтения, не были в характере Ге артикулированы. По Ганнушкину Николая Ге можно отнести к типу конституционально-возбужденных циклоидов. Он всегда строил грандиозные планы, любил объяснять сюжеты буду-

щих картин, но редко продвигался дальше нескольких набросков.

Самое вольное время жизни — студенчество. Воспоминания об этих годах относятся к лучшим местам его записок. Живописью он занимался самозабвенно, золотую медаль получил по праву и без особых мучений.

Брак явился в некотором смысле катастрофой. Семья стала алтарем, постоянно требующим жертв. Непроизвольное оцепенение художника перед этим священным институтом заметно даже в портретах жены и детей — их отличает холодная академическая правильность, словно во время работы кисть застыла у автора в руках. Идейное бессилие было равновелико семейному счастью. Редкие удачи случались лишь когда Ге писал то, что знал, ситуацию, в которой оказался: себя в качестве безвольной и невольной жертвы незлыбимых семейных установок. И Иуда, и царевич Алексей, и Христос перед Пилатом суть не что иное, как автопортреты художника. При том, что Анна Петровна не была деспотом, только любящей женой и матерью, — просто обстоятельства складывались губительно для таланта и искусства.

Сохранилось немало свидетельств их жизни. Мы склонны доверять брату, Григорию Николаевичу Ге: «Личность Н. Н., тускнея со временем женитьбы, очень изменилась. Неизменным оставалось только отношение к жене. По-прежнему он шел за ней во всем, как бы не имея собственной воли, собственных

принципов. Переходя на хуторе от хозяйства к искусству, от искусства к хозяйству, забываясь постоянно об удовлетворении нужд семьи и видя, что никакого толка не выходит, Н. Н. потерял совсем под собой почву и освирипел... В самое короткое время этот милый интересный диалектик стал проявлять свою непреклонную волю, свои непогрешимые понятия и суждения тоном закостенелого деспота в духе крайней нетерпимости».

Творческий тупик закончился в год смерти жены, которую Нико-

лай Николаевич искренне и горячо оплакивал. Тем не менее именно с этого момента он работает днями напролет, с большим душевным подъемом. Такое впечатление, что наконец-то он может выразить себя до конца. Долг перед семьей уже не довлеет, никто не заходит в мастерскую, некому давать советы. И опять Ге напишет себя, свой портрет — жертву, дошедшую в жертвенности до предельного совершенства и истинного величия. Напишет — и через несколько месяцев неожиданно скончается.